

ПРЕСЛОВУТУЮ перестройку, которая унесла с собой в историческое небытие последнюю из империй современности ("красную империю Кремля"), т. е. окончательно добила "детище Сталина", иные эксперты оценивают как ухудшенную и искажённую версию того "переформатирования" советской системы, которое замысливал некогда всеильный глава КГБ СССР, а затем генсек Компартии Ю.В. Андропов (1914—1984). Не будем здесь ни утверждать, ни опровергать это — внесём ясность в данный вопрос ниже, по ходу изложения. Но то, что в позднем СССР что-то серьёзное зрело, шла какая-то очередная "мутация", многим здравомыслящим людям в стране было понятно. Проникновенные же специалисты (советологи и кремленологи) на Западе предвидели возможность развития событий по сценарию обвала системы, причём иные из них — задолго до наступления острокризисной фазы развития СССР, со всеми сопутствующими этому явлениями и процессами, в том числе и международно-резонансными.

В этом ключе размышлял ещё в 1947 году такой искушённый в российских и советских делах человек, как Джордж Кеннан (1904—2005). При этом он связывал подобного рода (возможные) изменения с расстановкой сил внутри правящей партии и ограниченными возможностями потенциала СССР. Этот авторитетный американский дипломат, политолог и историк писал в то время: "Трудно предсказать, будет ли ...неизбежное омоложение высших эшелонов власти происходить (а это лишь вопрос времени) мирно и гладко, или же соперники в борьбе за власть обратятся к политически незрелым и неопытным массам, чтобы заручиться их поддержкой. Если верно последнее, то Коммунистической партии нужно ожидать непредсказуемых последствий: ведь ядовитые члены партии учились работать лишь в условиях железной дисциплины и подчинения и совершенно беспомощны в искусстве достижения компромиссов и согласия. Если в Коммунистической партии произойдёт раскол, который парализует её действия, то хаос и беспомощность общества в России обнаружатся в крайних формах. Ибо, как уже говорилось, советская власть — это лишь оболочка, скрывающая аморфную массу, которой отказано в создании независимой организационной структуры. Поэтому если произойдёт нечто такое, что нарушит единство и эффективность партии как политического инструмента, то Советская Россия может мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран мира".

Если говорить об отечественных авторах, то многие из них, исходя из самых благих побуждений, предлагали в то время свои варианты выхода из кризиса. Об этом, скажем, можно судить по вышедшей (правда, уже на исходе перестройки) знаковой публикации социолога и экономиста С.Г. Кордонского, аналитика, входившего позднее в ближний круг кремлёвских властителей. В те годы свои "рецепты" реформирования всё сильнее бурсовавшего Союза и, стало быть, предложения по коренной трансформации некогда уникального (советского!) Проекта давали и наиболее продвинутые интеллектуалы из диссидентской среды. Некоторые из них, особенно те, кто находился за пределами нашей страны, были по этому Проекту, что называется, "прямой наводкой". Мы имеем в виду наследников "дела Амальриха", который трагически погиб ещё в 1980 году, а также соратников А.И. Солженицына (но это уже с другого фланга).

Здесь на память приходит прежде всего колоритная фигура чеченского интеллектуала, историка и политолога, эмигранта "второй волны" А.Г. Авторханова (1908—1997), который обосновался в Западной Германии ещё в 1942 году. Будучи автором целого ряда книг, изданных на Западе и получивших широкую популярность у советологов ("Сталин во власти", "Технология власти", "Происхождение партократии", "Загадка смерти Сталина...", "Сила и бессилие Брежнева" и др.), Авторханов выступил в 1988 году свою едва ли не самую известную и концептуально сильную работу. Речь идёт о книге "Империя Кремля". В ней автор осветил целый ряд вопросов, касавшихся истории и судьбы СССР как "последней" империи XX века.

В ряде вопросов, представляющих интерес в свете геополитики, мы выделим следующие позиции: 1) понимание А.Г. Авторхановым советской системы не как классической (обычной) имперской системы власти и управления, но и не как исторического продолжения, т. е. новой "редакции", царской империи, а как "идеократической" империи (круто замешанной на идеологии — почти как у евразийцев); 2) констатация того, что этой империи был свойственен свой — особый — тип "колониализма" и, соответственно, особый механизм взаимоотношений по оси "Центр — этнонациональные окраины"; 3) видение исторической двух основных путей территориального расширения империи: на Восток и на Юг, — при невозможности это делать в западном направлении; 4) предложение властям в Кремле единственного способного варианта развития событий — скорейшей конфедерализации СССР, т. е. "переформатирования" страны из тех субъектов, которые пожелают войти в новое постимперское образование; 5) фиксация "рокового" (по выражению самого Авторханова) отклонения России от западного пути развития в виде запозданного в основание советской Системы алгоритма: "величие державы за счёт благополучия простых людей плюс использование прежде всего военно-полицейской силы государства в любых ситуациях"; 6) видение отчуждения советского империализма

как проекта глобального масштаба (с коммунистической идеей в виде "ядерного") от царского — как макрорегионального, лишь евразийского по масштабу (к тому же с христианско-православным "ядром"); 7) изображение как бутафорских советских республик; 8) в качестве желательного варианта Авторхановым предлагался заблаговременный "ропуск" СССР как "принудительной империи", что "было бы благом и для страны, и для мира в целом".

Едва ли тогдашнее партийно-политическое руководство страны всерьёз прислушивалось к концептуальным соображениям диссидента А.Г. Авторханова, но думающая часть советских людей, уже дышавших "воздухом перестройки" и страстно желавших глубоких перемен, вполне могла всё это прочитать, причём из первых рук, не боясь, как прежде, попасть "под колпак" спецслужб. Тем более что власть уже позволяла открыто печатать такого рода материалы. Убедительным примером этого может быть нашумевшая статья А.И. Солженицына (уже успевшего к тому времени вернуться из-за океана) "Как нам обустроить Россию?", имевшая, по сути, как и книга А.Г. Авторханова, жёстко антиимперский характер. В этом тексте автор тогда недвусмысленно заявил: "Держать великую Им-

перию рекордсменом по числу распад-дов: Россия дважды за семьдесят с небольшим лет — в 1917-м и в 1991 году — распадалась на части. За весь XX век ни одну страну мира такая участь не постигала!

ВРАЗВИТИЕ темы заметим, что спасти "русский коммунизм", исходя из страстного желания реформировать СССР как альтернативу капитализму с целью не допустить его возможного коллапса, что предполагало выход к новой геостратегии, пытались некоторые отечественные учёные и мыслители из числа истинных патриотов (их, правда, власть предрекавшие не воспринимали всерьёз). Первым в этом ряду мы бы назвали П.Г. Кузнецова (1924—2000) — явление на небосклоне отечественной науки просто уникальное; человек, которого трудно с кем-то сравнить, потому что это был крупнейший в стране специалист по системам целевого управления и планирования, один из наиболее ярких представителей подлинной научно-конструкторской элиты СССР, "посев" которой был сделан ещё в сталинскую эпоху. Непосредственно вопросами геополитики и/или геостратегии П.Г. Кузнецов не занимался. Но само его мышление и — главное — те конкретные проек-

РАЖ SOVIETICA

Часть первая. Перестройка и её последствия

перию — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопопёртый плавай? Чтобы русским потерять своё неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её. Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой, Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного внутреннего развития, наконец, обратит внимание и прилежание на саму себя". А.И. Солженицын категорически не приемлет то, что он называет "ошибками прошлого". Можно ли считать этот "анализ-призыв" вернувшегося из эмиграции А.И. Солженицына планом по развалу СССР?

Некоторое время Система вроде бы пыталась спастись сама, но особенно прислушиваясь к тому, что говорили диссиденты, фрондирующие писатели и публицисты; её "кормчие" следовали одним только им вёдомым курсом, который, как мы теперь знаем, привёл в никуда. Когда неумельным (а возможно, наоборот, весьма умельным и под конкретный интерес) действиями определённых сил и групп был разрушен политико-идеологический стержень и вынута "ядро" Империи — Россия, страна просто рухнула как картонный домик. "Благо" этому способствовало поведение правящего класса — парт/госхоз/номклатуры, всё более наглевшей и реально провоцировавшей рост теневой экономики, коррупции, погружая страну в состояние глубокого зстоя. Исполняя свою терминологию и в весьма жёстких выражениях, но очень точно эту ситуацию в одной из своих статей описал А.И. Фурсов, говоря, что ещё при Л.И. Брежнев в стране, по сути, вырос теневой "СССР-2" (не просто теневая экономика, а именно теневая СССР, связанный как со своей теневой экономикой, так и с западным капиталом, его наднациональными структурами и даже спецслужбами). Андрей Ильич подчёркивает такой важный момент: в 1970-х годах "тень" знала своё место, выходящая до поры до времени, и ещё только готовилась к прыжку во власть, собиравалась с силами. Но при Горбачёве она уже заняла место "хозяйина", практически уничтожив фасадный "СССР-1". Автор очень тонко замечает: "Реальный СССР в начале 1980-х годов напоминал галактическую империю из азовской "Академии" — благополучный фасад при изъеденных внутренностях".

Прав А.И. Фурсов и в том, что уже со второй половины 1970-х годов партократы брежневского "призыва" и их преемники (ещё более слабовольные и не сильные умом деятели) абсолютно не были адекватны той ситуации, которая складывалась в стране и в мире — когда началась глобальная перестройка капиталистической системы, связанная с научно-технической революцией (НТР). Их опыт отражал главным образом прошлое, да и то через призму их догматического мышления, и потому становился основой грубейших ошибок, особенно во внешней политике. Неспособность Системы выдвинуть в руководство страны деятелей, адекватных внутриполитическим задачам 1980-х годов, могущих работать в режиме кризисного управления, и — главное! — в ситуации крупномасштабных мировых сдвигов, была, с точки зрения А.И. Фурсова, предопределена. Тот же А.А. Зиновьев считал "падение русского коммунизма" результатом предательства определённой части партийно-государственной элиты вкупе с прозападным настроенными силами в КГБ, не говоря уже о давно и неплохо чувствовавших себя внешнеторговых кланах, которые вели активную работу с Западом. Именно они-то вкупе и ослабляли Систему, благодаря им она теряла свой социальный "иммунитет" (в здоровых социальных "организмах" так не бывает).

И потому, по А.И. Фурсову, перестройку надо выводить из социальной природы советского общества, представлять её "как результат суммации, наложения, волнового резонанса последствий разрешения системообразующих противоречий исторического коммунизма". В итоге наша страна стала в XX

ты и разработки, которые он делал, имели геостратегическое измерение. К этому обязывало и положение, которое этот удивительный человек со временем всё же занял в научной и управленческой элите СССР. Система, скрепя сердце, терпела строптивого Побиска, поскольку он работал на интересы Державы, и самые умные с этим не могли не считаться. Он же сам мыслил вполне по-сталински, т. е. глобально и жёстко, и это при том, что сам сталинский режим "прошёлся" по его судьбе весьма сурово. Хотя до сих пор многие страницы его биографии покрыты завесой секретности, но и то, что мы знаем об этом человеке, достаточно, чтобы по-хорошему удивиться и возрадоваться тому, что такие люди в нашей стране были...

Говоря о специфике его диалектического мышления, Ю.В. Громко подчёркивал, что "живое мышление Побиска Георгиевича обладало очень важным моментом — схватывать и конструировать целое. С другой стороны, Кузнецов всегда демонстрировал мышление, способное ставить и решать проблемы глобального развития страны в масштабах мирового целого. Здесь возникает очень важный вопрос: владел ли П.Г. Кузнецов способом мирового развития СССР? Как было устроено его мышление, которое было способно, во-первых, понимать это развитие, а во-вторых, его программировать? Поскольку мы находимся за границей распада СССР, то с точки зрения эволюции глобальной системы невольно возникают вопросы: почему развалился СССР? Что произошло с мировой системой после того, как СССР развалился?" В этой связи Ю.В. Громко делает важный вывод: если следовать логике П.Г. Кузнецова, то надо признать, что "СССР развалился в силу отсутствия программы нового социокультурно-го витка, который бы одновременно затрагивал весь спектр геополитических и геосомических трансформаций, важнейших научно-технических открытий, практико-технологических преобразований, социокультурных изменений жизнедеятельности населения, которые, безусловно, опираются на определённое мировоззрение. Необходимость подобной программы даже не рассматривалась представителями Политбюро, они не были к ней готовы, она не могла быть введена в их сознание". Казалось бы, у власти был тогда шанс воспользоваться советами мудреца. И тот, болей за "общее дело", был готов отдать всего себя, все свои знания и талант на дело вывода страны из того глубокого кризиса, в который она всё больше погружалась. Иначе говоря, именно такие учёные и интеллектуалы, как П.Г. Кузнецов, и не он один (скажем, были и такие, как С.П. Никаноров), работали на создание Субъекта стратегического действия (ССД), о котором неустанно пишет А.И. Фурсов. Но, увы, Система не очень-то желала превращаться в этот самый ССД!

ПОЗВОЛИМ себе изложить здесь одно суждение общего порядка, обращаясь опять-таки к мнению А.И. Фурсова. В одной из своих работ он задаётся вопросом: что есть главное оружие ССД (любого ССД)? И в то же время необходимое условие его возникновения "в нужное время в нужном месте"? И отвечает: информация, понимаемая в широком смысле. Ведь только на её основе может возникнуть организация с энергетическим (волевым) потенциалом, овеществляющим себя в истории. Информация, организованная определённым образом, т. е. знание и понимание — и собственной страны, и мира, и массовых социальных процессов; законов истории, тайного и явного управления социальными процессами — одним словом, того, как реально устроен мир и как надо себя в нём вести. В этом плане, как подчёркивает Фурсов, в отличие от российских/советских "неудачников", И.В. Сталин был единственным из правителей нашей страны за последние двести лет, который знал и понимал, кому противостоял и кто мог быть (и в итоге становился) тактическим или стратегическим союз-

ником "Красной Империи", которую он строил и пестовал. К сожалению, после его смерти ситуация, особенно по мере всё большей интеграции партийно-государственной верхушки Союза в капиталистическую систему и восприятия ею (де-факто) образа жизни и ценностей западного мира, ухудшалась. Причём перманентно. В 1970—1980-е же годы, когда наиболее поражёнными "бациллами" западнизма изнутри и извне оказались две ключевые подсистемы советского общества: защитная (КГБ) и когнитивная (наука), — она стала почти катастрофической. По Фурсову: "Главное "орудие производства" ССД — психоисторическое оружие, совокупность идеальных (информационных, научно-образовательных и духовных) средств, посредством которых ССД направляет исторический процесс (или влияет на его направление), позитивно воздействуя на сознание, психику, духовную сферу в целом коллективов и индивидов". Но его-то в позднем СССР и не оказалось.

Видимо, это хорошо знали или чувствовали недруги нашей страны на Западе. Достаточно упомянуть хотя бы о "плане NSDD", инициированном в 1981 году тогдашним руководителем ЦРУ У. Кейси и поддержанном президентом США Рейганом. Этот план был призван обеспечить тайные наступательные операции против СССР. По сути, он стал тем рубиконом, перейдя который США перестали декларировать необходимость обеспечения мирного сосуществования со "Страной Советов", а возмарились изменить саму советскую систему. Но творили чёрное "перестроенное" дело всё же свои... Они же потом сделали всё, чтобы уйти от ответственности, обелив свои деяния. Если обратить взор к недалёкому прошлому нашей некогда великой страны, которое или преднамеренно "забыто", или просто подтасовано, нельзя не заметить очевидное: "Свинцовая глыба лжи о т. н. перестройке усилиями науки, разведки, политической мемуаристики уже разрушена. Интенсивно наращивается корпус литературы, из которой явствует, что 2 485 суток горбачёвских преобразований были завуалированным, утончённым и длительным насилием над Советским Союзом, спецоперацией холодной войны. Обществу в эти годы испытывало минуты, часы, недели и месяцы судоорожного безумия под водительством предателей, подвергая себя самоуничтожению". Вот почему нам сегодня "требуется гигантское переосмысление и теоретическое, и эмпирическое материала, который в упомянутые годы преподносился народным массам как открытие". Нам нечего добавлять к этим проникновенным строкам и очень точной фиксации последствий перестройки.

Именно после событий в СССР (и автоматически) во всей его обширной сфере влияния началась череда событий, которые ознаменовали вхождение мирового сообщества в полосу глубинной трансформации его структуры. Именно в это время начался новый масштабный территориальный передел мира, который длится по сей день; был подвергнут серьёзнейшему испытанию на прочность весь миропорядок, сложившийся в послевоенный период. Но на первом месте стоит именно распад Советского Союза и Pax Sovietica. И далеко не случайно. Ведь именно распад СССР вызвал серьёзную дестабилизацию системы международных отношений, прежде всего на глобальном уровне, иррадирующую по всем ниже расположенным "этажам" мировой иерархии.

Безусловно, ничто не вечно, и империи (имперские системы) — не исключение из этого универсального правила жизни. Но, как показывает мировая практика, уходят они в небытие по-разному. То, что произошло в начале 1990-х годов с некогда великой советской державой, укладывается в один из двух сценариев ухода империй с мировой арены, которые убедительно продемонстрировала политическая история XX века. Так, в

одном случае происходит сознательный демонтаж имперских структур власти и управления при регуляторской роли самой метрополии. В этих условиях имеет место более или менее безболезненная трансформация ранее единого политического "организма" в совокупность суверенных и квазисуверенных государств, с сохранением единого культурно-политического поля и дружеским или, по крайней мере, нейтральным отношением новых субъектов на мировой арене к бывшему имперскому Центру. Нечто подобное произошло, например, с Британской империей, "ропуск" которой начался ещё в 1931 году с принятия английским парламентом Вестминстерского статута, продолжался долгие десятилетия и относительно благополучно завершился с возникновением Британского содружества (ныне Содружества наций). В другом случае происходит стихийный самораспад имперских структур власти и управления, который неизбежно сопровождается рецессией, или сжатием политического пространства, и инфрационализмом, т. е. фрагментацией этого пространства, рассыпанием его на фрагменты. При таком варианте развития событий Центр неизбежно теряет контроль за ситуацией, возникают сложные внутренние конфликты между самоопределяющимися этносами и территориями, многие из которых вспоминают прецеденты бывлой государственности и взаимные обиды; возникают конфликты, которые быстро интернационализируются и затягиваются в узлы региональной напряжённости. К примеру, мы помним из истории, сколько межгосударственных и межнациональных конфликтов породил нерегулируемый распад Австро-Венгерской и Османской империй на исходе Первой мировой войны. Отголоски этих процессов до сих пор ощущают на себе Центральная, Юго-Восточная Европа (особенно Балканы, Ближний и Средний Восток).

Одна из геополитических аксиом гласит: если контроль некогда всеильной державы над каким-то "большим политическим пространством" или значимым его сегментом слабеет, а то и вовсе прекращается (например, в результате имперского перенапряжения) какой-либо великой державы), т. е. когда в этой зоне возникает своеобразный "силовой вакуум", то моментально к ней возникает интерес других держав, обладающих необходимым потенциалом и возможностями для того, чтобы установить здесь свой контроль или, по крайней мере, попытаться это сделать. Таким образом, мы имеем дело со своеобразным законом "заполнения геополитической пустоты". Нечто подобное произошло с Советским Союзом и его колоссальной сферой влияния.

РАСПАД империй как больших и "организмов" всегда и везде сопровождался образованием множества малых, мелких и даже мельчайших государств и государствовоподобных образований, благодаря чему разительно менялась политическая карта мира в результате завершения такого рода эпохальных процессов. Стоит ли удивляться тому, что, к сожалению, подобный негативный вариант развития событий имел место в случае с Советским Союзом, на пространстве которого возникли настоящие "волны" сепаратизма и сессии, с одной стороны, и ирредентизма — с другой. Правда, в отличие от других прецедентов, дезинтеграция Советского Союза имела одну негативную особенность. Она связана с тем, что, пожалуй, нигде и никогда в мире такие сложные ("многоосставные", как сказал бы известный американский политолог голландского происхождения А. Лейтхарт) имперские системы не распадались с такой стремительной быстротой без военного вмешательства со стороны, и сама скорость этого процесса явилась одной из фундаментальных причин высокого градуса напряжения на отслоившихся от Москвы периферийных зонах и их последующей фрагментации. Посему и результат: уже для самой России наступили

непростые времена, когда страна стала демонстрировать отрицательную геополитическую динамику, связанную, в частности, с дезинтеграционными процессами по оси "Центр — периферия", что, впрочем, оказалось характерным и для всего макрорегиона Северной Евразии.

В этом не было ничего удивительного, поскольку, не являясь сама по себе имперским образованием, но будучи плоть от плоти наследницей "Империи Кремля", Российская Федерация сама не могла не испытывать последствия распада "большого имперского поля", не могла (хотя бы частично) не ощутить на себе цепную реакцию дезинтеграции. Вполне понятно, что этим обстоятельством умело воспользовались те политические силы, которых буквально пьянила победа либерального Запада в холодной войне с советской империей. На волне этой эйфории, как очень точно заметил известный российский этнополитолог В.А. Тишков, и родилась "интригующий проект второго круга дезинтеграции постсоветского пространства за счёт России как новой "мини-империи", который нашёл много энтузиастов среди политиков, международной бюрократии и научного сообщества, в том числе и в среде новых соседей России, где ощутило желание наказать бывшего "старшего брата".

Факт остаётся фактом: в тот период времени в Северной Евразии начала складываться очень непростая ситуация. Уход в прошлое "Империи Кремля" и стремительность этого процесса породили целый шлейф проблем, вызвав настоящую волну нестабильности на огромном пространстве этого континента. Фактически можно говорить о том, что здесь сформировалась самостоятельная подсистема достаточно сложных, со значительными сегментами конфликтотенных/конфликтных отношений — макрорегионального уровня. В ряде же зон бывшей периферии СССР, сразу после его "падения", весьма резко обострились территориальные споры, произошли самые настоящие войны локального масштаба, появились новые, порой очень нестабильные государства со слабыми традициями государственности или вовсе без таковых, возникли регионы с повышенным индексом "гражданского беспорядка" (выражаясь терминологией, принятой в ООН). В этом находит своё подтверждение важнейший геополитический императив: распад имперских структур власти и управления, где бы и как бы он ни происходил, всегда провоцирует (и продуцирует) "репакляционные" войны всех масштабов (от межгосударственных до межмафиозных).

Одним словом, на большей части бывшего советского пространства образовался "силовой вакуум". Ведь с исчезновением советского "колосса" произошёл серьёзный сдвиг силовых полей, повлёкший за собой возникновение в ряде зон Евразии "мягких кластеров" (выражение З. Бжезинского), т. е. регионов "без хозяина". Оказалось, что на этих территориях, которые до недавнего времени находились под полным политическим контролем, а большей частью и под юрисдикцией Москвы, есть что делить, на что претендовать, из-за чего соперничать. И в зависимости от того, оказались ли совместными интересы новых "претендентов на наследство" или нет, между ними и стали выстраиваться соответствующие взаимоотношения: сотрудничества или конфронтации (причём с внутренней градацией таковых). Если использовать всем известные аналогии с Османской и Австро-Венгерской империями, распад которых породил острейшие региональные кризисы и обусловил возникновение сложнейших "узлов противоречий", вполне можно говорить о начавшемся разделе "советского наследства" в широком смысле слова со всеми вытекающими из этого последствиями. Именно по этой причине сюда и началось интенсивное проникновение внерегиональных акторов. Но у распада Советского Союза был ещё один важный аспект, который следует интерпретировать с точки зрения внутренней геополитики.

Иллюстрация: из серии «Сверхновая Москва». Художник Алексей Беляев-Гинтовт. 2012 г.

Окончание статьи Владимира РЯБЦЕВА и Станислава СМАГИНА — в № 26

Тема нового (9-10 (127-128)) номера журнала "Изборский клуб" — Одоление ига. Открывается издание одноимённой статьи Александра Проханова.

Также в журнале представлен цикл статей Максима Калашникова "Где же передовая военная мысль?", "Все способные носить оружие", "Туманности", "ясности" и полезные уроки", "Как вопыкнуло "Пламя Запада".

В журнале можно ознакомиться с работами Елены Лариной и Владимира Овчинского "Готовясь к схватке с Россией и Китаём", Василия Колташова, Андрея Коржовцева, Антона Скняря "Академическая наука как проблема" (начало работы опубли-

ковано в номере 6 за 2024 год), Владимира Овчинского "Ледяная синева глобального превосходства" и "Схватка за воздушный океан".

Денис Ступников в статье "Я не хочу никуда уезжать" замечает: "Тихая панника" — именно такое доминирующее чувство испытывают и транслируют добровольные эмигранты, покинувшие Россию".

Максим Калашников в работе "Армии и битвы ближайшего грядущего" пишет: "Во время украинской кампании пугающее проступили очертания грядущих войн. Чистых, быстрых, точных. Роботизированных. Когда грязное, неизбирательное ядерное оружие останется лишь как последний довод, а атомные боеголовки станут неуклонно превра-

щаться в архаику". И тут же ставит вопрос, отвечая на него: "Какие же войны и какое оружие войдут в реальность войн за передел мира и создание новых империй?"

Владимир Кучеренко ("Американская революция в военном деле: вторая серия") считает: "Нам нужно совместить социалистический принцип соредоточения ресурсов на прорывных разработках с американской капиталистической схемой. Пусть в здоровой конкуренции или в промкооперации определится лучший вариант — а государство затем вложится в него. А если чиновники и на сей раз затрут прорыв ради "своих", смешанная экономика с частной инициативой не даст

фирме новаторов пропасть без госзаказов. Но если при этом она пробьётся на рынки — то "органы" смогут наказать генерала или чинушу, что проводили конкурс нечестно и "не заметили" прорывной разработки".

Рубрика "Библиотекарь" знакомит с новыми книгами Андрея Фурсова "Лица, знаки, системы", Юрия Тавровского "Си Цзиньпин — вождь Китая", Юрия Полякова "Осен в Переделкином. Избранные стихи".

"Стихи" представляет творчество Виктора Кирюшина.